

Аллан Кардек

**Евангелие в
разъяснении спиритизма**

«Автор»

1865

Кардек А.

Евангелие в разъяснении спиритизма / А. Кардек — «Автор»,
1865

Книга является философским исследованием по спиритизму. Приведены объяснения нравственных основ учения Христа, их согласование со спиритизмом и их применение к различным жизненным положениям.

Содержание

Введение	5
I. Цель настоящего труда	5
II. Авторитетность спиритического учения. Всеобщий контроль поучений духов	7
III. Исторические заметки	11
IV. Сократ и Платон – предвестники идеи христианства и спиритизма	14
Резюме учения Сократа и Платона	15
Глава 1. Я пришел не нарушать закон	19
Моисей	20
Христос	21
Спиритизм	22
Связь между наукой и религией	23
Наставления духов: Новая эра	24
Глава 2. Царство мое не от мира сего	26
Будущая жизнь	27
Царство Христа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Аллан Кардек

Евангелие в разъяснении спиритизма

Введение

I. Цель настоящего труда

Содержание Евангелия можно разделить на пять частей: обыкновенные действия из жизни Христа, чудеса, предсказания, изречения, послужившие основанием догм церкви, и нравственные поучения. Если первые четыре части были предметом споров, то последняя осталась недоступной нападению. Перед этим божественным законом преклоняется само неверие; это почва, на которой могут сойтись все культы, знамя, под которым все могут укрыться, каковы бы ни были их верования, потому что нравственные поучения Христа никогда не были предметом религиозных споров, всегда и везде поднимаемых вопросами догмы; разбирая их, секты нашли бы только свое собственное осуждение, так как большинство сект сильнее привязалось к мистической части вероучения, чем к нравственной, требующей преобразования самого себя. Последняя часть – это правила поведения для людей, захватывающие все условия жизни частной и общественной, принцип всех социальных отношений, основанных на самой строгой справедливости; это наконец и главным образом, непогрешимый путь к счастью в будущем, угол завесы, приподнятой перед будущей жизнью. Это именно та часть, которая служит исключительным предметом настоящего труда.

Весь свет восхищается евангельской нравственностью, каждый провозглашает ее возвышенность и полезность; многие это делают по доверию к тому, что они слышали, или по вере в некоторые основы, ставшие общими; но немногие знают эту мораль основательно, еще меньше способны понимать ее и выводить из нее следствия. Причина заключается преимущественно в трудности, которую представляет чтение Евангелия, непонятного для большинства. Аллегорическая форма и преднамеренный мистицизм языка приводят к тому, что большинство читают его для успокоения совести и по долгу, так же, как они читают молитвы, не понимая их, т. е. бесплодно. Нравственные наставления, рассеянные тут и там, смешанные со множеством иных повествований, проходят незамеченными: нет возможности схватить общий смысл и сделать их предметом отдельного чтения и размышления.

Создавались, правда, трактаты евангельской морали, но, переложенные на современный литературный язык, они теряют свою первобытную простоту, составляющую их прелесть и убедительность. То же самое происходит с основами учения, выхваченными и доведенными до самых простых обыденных выражений; они тогда становятся только афоризмами, теряющими часть своей ценности и интереса вследствие отсутствия подробностей и тех условий, при которых они были даны.

Чтобы устранить эти несоответствия, мы собрали в этом труде те тексты Евангелия, которые, собственно говоря, могут составить свод правил всеобщей нравственности, не оспаривая культа; в ссылках мы сохранили все, что может быть полезно для развития мысли, устраняя чуждое теме. Кроме того, мы тщательно придерживались перевода оригинала Саси, а также и разделения на стихи. Но вместо того, чтобы следовать хронологическому порядку, невозможному и не имеющему реального значения в настоящем труде, положения сгруппированы и подразделены соответственно их природе так, чтобы они вытекали насколько возможно одни из других. Выноски с обозначением номера главы и стиха позволяют прибегать к общепринятому разделу источника, если это нужно.

Но подобный труд был бы только компилятивным, имеющим второстепенное значение; главное же заключалось в том, чтобы сделать его общедоступным, пояснить места темные и развить их во всех отношениях ввиду возможности применения положений этого труда ко всем жизненным обстоятельствам. Именно это мы и попытались сделать с помощью добрых духов, сообщавшихся с нами.

Многие места Евангелия, Библии и других святых книг вообще непонятны, многое даже кажется неправдоподобным вследствие отсутствия ключа; этот ключ весь целиком кроется в спиритизме, как уже могли убедиться в этом серьезно изучавшие его и как это будет еще более признано в будущем.

Спиритизм был известен и в древности, и во все времена человечества; следы его находим в письменах, в верованиях и на памятниках; вот почему, открывая новый горизонт на будущее, он бросает не менее яркий свет на тайны прошлого.

Из наставлений, продиктованных духами в различных странах и при посредстве различных медиумов, мы выбрали некоторые как дополнение к каждому правилу. Наставления эти могли бы, возбудить сомнение, если бы имели только один источник, потому что тогда возможно было бы думать, что они получаются под влиянием данного медиума или окружающей среды, но сообщение одинаковых наставлений при посредстве различных медиумов в разных местах доказывает, что духи дают всюду свои наставления и что никто не имеет привилегий в этом отношении.¹

Этот труд к услугам всего света, каждый может черпать в нем средства для согласования своего поведения с нравственным учением Христа. Спириты же найдут в нем, кроме того, приложения, которые их касаются более специально. Благодаря общению, которое отныне установится беспрерывно между людьми и невидимым миром, евангельский закон, преподанный самими духами всем народам, не будет мертвой буквой; каждый поймет его и станет применять с помощью советов своих духовных руководителей. Наставления духов есть действительно голоса небесные, являющиеся просвещать людей и побуждать их к применению учения Евангелия в жизнь.

¹ Мы могли бы, без сомнения, дать большее число сообщений, полученных во многих городах и спиритических центрах, но мы должны были прежде всего избегать монотонности в бесполезных повторениях и ограничили наш выбор только теми сообщениями, которые по содержанию и форме более специально отвечали требованиям этого труда, сохранив остальные для дальнейших опубликований. Что же касается медиумов, то мы решили не называть никого; большинство из них сами не пожелали быть поименованными; делать исключения относительно остальных не приходилось. Наконец, имена медиумов не прибавили бы ценности делу Духов; это было бы только удовлетворением их самолюбия, чему серьезные медиумы не придают никакого значения; они понимают, что их роль вполне пассивна, что ценность сообщений не касается их личных достоинств и что было бы ребячеством гордиться умственным трудом, в котором они участвуют лишь механически.

II. Авторитетность спиритического учения. Всеобщий контроль поучений духов

Если бы спиритическое учение было измышлением человеческим, то гарантией этого учения служили бы только знания создавшего его; но ведь никто тут, на земле, не может серьезно претендовать на то, что он один обладает абсолютной истиной. Если бы духи, открывшие учение, проявились только одному человеку, ничто не доказывало бы происхождение учения, так как нужно было бы верить на слово утверждающему, что он получил его от духов. Если допустить с его стороны полную правдивость, то самое большее, чего он мог бы достичь – это убедить окружающих; он мог бы иметь сектантов, но никогда не соединил бы всего света.

Бог желал, чтобы новое откровение дошло до людей путем более быстрым и верным, вот почему Он поручил духам распространять учение от одного полюса до другого и проявляться повсюду, не давая никому исключительной привилегии слышать их речь. Один человек может быть обманут и может сам обмануться; но не может этого случиться с миллионами, видящими и слышащими одно и то же. Подобное обстоятельство служит ручательством для каждого и для всех. Можно заставить исчезнуть одного человека, но нельзя уничтожить массы; можно сжечь книги, но нельзя сжечь духов. Если бы даже сожгли все книги, источник учения остался бы неиссякаем, потому именно, что он не на земле, что появляется везде, всякий может черпать из него. За недостатком людей, чтобы его распространять, всегда будут духи, которые проникают всюду, но которых никто не может настигнуть.

Итак, это действительно духи самолично пропагандируют учение при помощи бесчисленных медиумов. Спиритизм был бы почти неизвестен, если бы истолкователем его явился один человек: как бы превосходен он ни был, к какому бы классу ни относился, он был бы предметом предубеждения со стороны многих лиц; все нации его бы не признали, тогда как духи, сообщающиеся всюду, со всеми народами, со всеми сектами и партиями, признаны всеми. Спиритизм не имеет национальности; он вне всевозможных культов; он не присущ одному какому-нибудь общественному классу, потому что всякий может получать сообщения от своих родных и друзей с того света. Это было необходимо для того, чтобы он мог призвать всех людей к братству. Если бы спиритизм не избрал нейтральной почвы, он бы поддерживал распри вместо того, чтобы их умиротворять.

Эта всеобщность поучений духов составляет силу спиритизма; в ней же заключается причина такого быстрого распространения его. Голосу одного человека, даже при помощи печати, понадобились бы века, чтобы дойти до слуха всех; но вот слышатся тысячи голосов одновременно во всех местах земли, чтоб оглашать одни и те же принципы и передавать их самым невежественным и самым ученым. Таким преимуществом не пользовалось еще ни одно учение. Стало быть, если спиритизм есть истина, то он не боится ни злой воли людей, ни нравственной революции, ни физических переворотов земного шара, потому что все это не может уязвить духов.

Но это не единственное преимущество, вытекающее из подобного исключительного положения. Спиритизм находит в себе самую могущественную гарантию против расколов, которые могли бы произойти вследствие честолюбия отдельных личностей или вследствие противоречий некоторых духов. Эти противоречия служат, без сомнения, камнем преткновения, но в них же самих заключается и средство против этого зла.

Известно, что духи далеки от обладания всей истиной и различаются между собой; известно, что не всем им дано проникнуть в некоторые тайны; что их знания пропорциональны их возвышенности и что у обыкновенных духов они не только не выше, но даже ниже, чем у некоторых людей; что между ними так же, как и между людьми, есть самонадеянные лжеученые, считающие, что они знают то, чего не знают, педанты, принимающие свои идеи за истину;

известно, что только духи самые возвышенные, совершенно дематериализованные, освободились от земных идей и предрассудков; но известно также, что духи-обманщики не стесняются прикрываться заимствованными именами, чтобы заставить принять свои утопии. Из этого следует, что все поучения, кроме исключительно нравственных, и все откровения, получаемые любым человеком, имеют характер индивидуальный и недостоверный, что они должны быть рассматриваемы как мнения личные того или другого духа, и что было бы неосторожностью легкомысленно принимать и распространять их как абсолютные истины.

Первым контролем, без сомнения, должен быть контроль разума, которому надо подчинять все без исключения сообщения, получаемые от духов; всякую теорию, находящуюся в противоречии со здравым смыслом, строгой логикой и позитивными данными, должно отбрасывать, каким бы уважаемым именем она ни прикрывалась. Но этот контроль во многих случаях бывает несовершенен, вследствие недостаточности знаний некоторых людей и тенденции многих считать свое собственное мнение единственно истинным. Как же поступают в подобном случае люди, не имеющие полного доверия к самим себе? Они принимают мнение большинства, и это мнение становится их путеводителем. Точно так же должно поступать и с поучениями духов, которые сами дают нам к этому средство.

Согласие в поучениях духов есть наилучший контроль; но нужно еще, чтобы оно проявлялось при некоторых условиях. Наименее верное – если медиум сам спрашивает нескольких духов по поводу чего-нибудь сомнительного; очевидно, что если он подчинен неотступной идее или имеет дело с духом-обманщиком, то этот дух может дать ему одинаковые сообщения под различными именами. Нет также достаточной гарантии, если сообщения получают через медиумов одного кружка, потому что они могут подвергнуться такому же влиянию.

Единственная серьезная гарантия правдивости поучений духов заключается в соответствии, существующем между сообщениями, сделанными при посредстве большого числа медиумов, незнакомых друг с другом и живущих в разных странах.

Само собой разумеется, что это совсем не касается сообщений, относящихся к второстепенным вопросам, а только тех, которые связаны с самими принципами учения. Опыт доказывает, что когда новый принцип должен получить свое подтверждение, он преподается добровольно, в различных местах одновременно и тождественно, если не по форме, то по существу. Если же одному духу вздумается формулировать эксцентричную систему, основанную только на его идеях и вне истины, то можно быть уверенным, что эта система останется ограниченной и падет перед единством поучений, данных повсюду в других местах, как тому бывали уже примеры, именно это единство заставило пасть все частные системы, народившиеся с появлением спиритизма, когда каждый объяснял феномены по-своему, прежде чем стали известны законы, управляющие отношениями мира видимого с невидимым.

Вот основание, на которое мы опираемся, формулируя принцип учения. Мы его предлагаем как истинный не потому, что он соответствует нашим идеям; мы себя вовсе не ставим под верховную защиту истины и никому не говорим: «Верьте этому, потому что мы вам это говорим». Наше мнение в наших глазах есть мнение личное, могущее быть верным или ложным, так как мы не более безгрешны, чем кто-либо другой. Считаем мы этот принцип верным не потому также, что он нам преподан, а вследствие того, что он получил подтверждение согласования.

Мы получаем сообщения почти от тысячи серьезных спиритических кружков, рассеянных в различных частях мира, и в состоянии проследить принципы, на которых основано это согласование. Именно это наблюдение руководило нами до сего дня и будет руководить при работе на новых нивах, которые спиритизм призван исследовать. Таким образом, внимательно изучая сообщения, полученные как во Франции, так и за границей, мы признаем, судя по совершенно специальному свойству этих откровений, что спиритизм имеет тенденцию вступить на новый путь и что пришло время сделать шаг вперед. Эти откровения, иногда выражав-

шиеся намеками, проходили незамеченными многими, получавшими их; другие же думали, что они одни их получили. Взятые в отдельности, они не имели бы для нас значения; тождественность же их придает им важность; затем, когда пришло время предать их гласности, каждый вспомнил, что получал поучения в том же роде. Мы наблюдаем и изучаем это общее движение при посредстве наших духовных руководителей, помогающих нам судить о том, что предпринять своевременно и от чего надо воздержаться.

Этот всеобщий контроль служит гарантией для будущего единства спиритизма и уничтожит все противоречивые теории. В нем именно будут искать критерий истины.

Успех учения, сформулированный в «Книге духов» и «Книге медиумов», обязан тому обстоятельству, что всякий везде мог получать непосредственно от духов подтверждение этого учения. Книги эти были лишены поддержки прессы, но все же быстро распространились, так как за них были духи, доброе намерение которых восторжествовало над злой волей людей. Если бы, однако, духи противоречили этому учению, книги эти давно бы уже постигла участь всех фантастических сочинений, и даже поддержка прессы не спасла бы их от гибели. То же самое произошло бы со всеми идеями, исходящими как от духов, так и от людей, которые не прошли бы испытание контроля, чье могущество никто не может оспаривать.

Предположим, что некоторым духам вздумается продиктовать книгу под каким-нибудь заглавием, книгу, смысл которой был бы противоречив; предположим даже, что их недоброжелательство внушило бы сообщения невероятные с враждебным намерением дискредитировать учение; какое же влияние могли бы иметь эти сочинения, если бы они со всех сторон оспаривались духами? Нужно увериться в согласии этих последних, прежде чем оглашать систему под их именем. Между системой одного и системой всех такая же разница, как между единицей и бесконечностью. Что значат все доводы клеветников против мнения масс, против миллионов дружеских голосов, пришедших из пространства и являющихся со всех мест вселенной к очагу каждой семьи, чтобы пробивать брешь? Разве опыт в этом отношении не подтвердил теории? Что случилось со всеми этими публикациями, которые должны были, будто бы, уничтожить спиритизм? Нашлась ли хоть одна, которая бы задержала его движение? До сего дня вопрос не рассматривался еще с этой точки зрения, а вопрос этот, без сомнения, один из самых важных. Всякий полагался на себя, не считаясь с духами.

Принцип согласования служит, кроме того, гарантией против искажений, которые могли бы внести секты, пожелавшие овладеть спиритизмом для своей выгоды и истолковать его на свой лад. Тот, кто попытался бы отвратить спиритизм от цели, определенной Провидением, потерпел бы поражение по той простой причине, что духи всеобщностью своих наставлений заставят пасть все видоизменения, отклоняющиеся от его истины.

Из всего этого вытекает несомненная истина, а именно: желание одного стать поперек течения признанных и установленных идей могло бы вызвать местный и временный незначительный переворот, но никогда не взяло бы верх в общем течении не только в будущем, но даже и в настоящем. Оттуда же следует, что единичные наставления, даваемые духами относительно еще не истолкованного учения, не смогут составить закона и что их, следовательно, должно принимать с большой осмотрительностью. Оттуда же вытекает, что при опубликовании их нужна величайшая осторожность и предлагать их надо только как мнения индивидуальные, более или менее вероятные, но еще нуждающиеся в подтверждении. Это подтверждение нужно получить прежде, чем оглашать некоторый принцип как абсолютную истину, чтобы не быть обвиненным в легкомыслии или безрассудной легковерности.

Возвышенные духи приступают к своим откровениям с необыкновенным благоразумием; они касаются великих вопросов учения постепенно, по мере того как ум становится способным воспринять истины более высокие, а обстоятельства благоприятствуют усвоению новой идеи. Вот почему они до сих пор еще всего не сказали и никогда не поддаются нетерпению людей, слишком торопящихся и желающих срывать плоды, не дав им созреть. Было бы излиш-

ним желать предупредить время, предназначенное для каждой вещи Провидением, потому что в таких случаях духи, действительно серьезные, решительно отказывают в своем содействии; духи же легкомысленные, мало заботясь об истине, отвечают на все. Оттого-то на все преждевременные вопросы всегда получаются противоречивые ответы.

Вышеизложенные принципы – дело вовсе не личной теории, а являются неизбежным следствием условий, при которых проявляются духи. Если один дух говорит что-нибудь в одном месте, тогда как миллионы духов говорят противоположное в других, то очевидно, что вероятность истины не может быть на стороне одного: ведь претендовать одному на обладание истиной было бы так же нелогично со стороны духов, как и со стороны людей. Духи, действительно благоразумные, создающие себя недостаточно осведомленными по данному вопросу, *никогда* не решают его абсолютно; они заявляют, что его надо разобрать с их точки зрения, и сами советуют ждать подтверждений.

Как бы велика, прекрасна и справедлива ни была идея, невозможно, чтоб она с первого шага соединила все мнения. Происходящие в этом случае споры являются неизбежным следствием возбужденного движения; они даже необходимы для поиска истин и особенно полезны, если происходят вначале, так как ложные идеи могут быть скорее опровергнуты. Спириты, опасаящиеся этих споров, должны, значит, быть совершенно спокойны. Все единичные претензии падут в силу установившегося порядка вещей перед великим и могущественным критерием всеобщего контроля.

Это мнение не одного человека, а объединенный голос духов; это не один человек, а мы еще менее, чем всякий другой, который положит основание спиритическому правоверию; это также не дух, являющийся общаться с кем бы то ни было; это всеобщность сообщений духов, являющихся на всей земле по велению Бога. В этом – основа учения спиритизма, в этом – его сила, в этом – его авторитет. Бог пожелал, чтобы Его закон был основан на несокрушимом фундаменте; вот почему Он не возложил его на немощную голову одного человека.

Перед таким могущественным ареопагом, не знающим ни партий, ни ревнивой вражды, ни сект, ни национальностей, разобьются все мнения, все самолюбия, все претензии на индивидуальное главенство. *Мы сами себя побили бы, если бы пожелали подменить нашими идеями высшие законы этого ареопага;* Он один решит все спорные вопросы, заставит замолчать разногласия и воздаст каждому по заслугам. Перед этим внушительным созвучием всех *голосов неба* что значит мнение одного человека или одного духа? Меньше, чем капля воды, теряющаяся в океане, меньше, чем голос ребенка, заглушаемый громом.

Всеобщность мнений – вот высший судья, произносящий последний приговор; она составляется из мнений индивидуальных; если одно из них правильно, то оно имеет только свой относительный вес; если же оно ложно, то не может перевесить все другие. В этом громадном конкурсе индивидуальности стираются, и человеческому самолюбию наносится новый удар.

Гармоническая общность уже замечается; прежде чем кончится этот век, она засияет во всем своем блеске и укрепит всех неуверенных, так как могущественные голоса получат миссию заставить услышать себя, чтоб соединить людей под одним знаменем, как только почва будет достаточно подготовлена. Тем временем колеблющийся между двумя противоположными системами может заметить, в каком направлении образуется общее мнение; достоверной приметой этого может служить смысл, в каком высказывается большинство духов по тем различным вопросам, по которым они дают сообщения. Это верный признак той из двух систем, которая возьмет верх над сомневающимся.

III. Исторические заметки

Чтобы хорошо понять некоторые места Евангелия, необходимо знать значение многих слов, которые часто в нем употребляются и которые характеризуют состояние нравов и общества евреев той эпохи. Слова эти, утратившие для нас первоначальный смысл, часто плохо истолковывались и поэтому поселили в нас нечто вроде неуверенности. Понимание их значения объясняет истинный смысл некоторых положений, кажущихся странными с первого взгляда.

САМАРИТЯНЕ. После раскола десяти колен, Самария стала столицей распавшегося Израильского царства. Разрушенная и покоренная в несколько приемов, она под владычеством римлян сделалась главным городом Самарии, одной из четырех частей Палестины. Ирод Великий украсил ее великолепными памятниками и, чтобы польстить Августу, дал ей название *Августы*, по-гречески *Sebaste*. Самаритяне были почти всегда во вражде с царями иудейскими; глубокое отвращение, начавшееся с их разделения, продолжалось постоянно между двумя народами, избегавшими всяких близких сношений. Самаритяне чтобы сделать разлад еще более глубоким и чтобы не иметь вовсе надобности ходить в Иерусалим для религиозных празднеств, построили отдельный храм и произвели некоторые реформы; они признавали только Пятикнижие, содержащее закон Моисея, и отвергали все книги, введенные впоследствии. Их священные книги были написаны на самом древнем еврейском языке. В глазах правоверных евреев они были еретиками, а потому их презирали, предавали анафеме и преследовали. Единственной причиной антагонизма между двумя народами было различие в религиозных мнениях, хотя верования их имели одно происхождение. Это были *протестанты* своего времени.

Еще теперь встречаются самаритяне в некоторых местах Ливана, особенно в Наплюзе и Яффе. Они соблюдают закон Моисея с большей строгостью, чем остальные евреи, и вступают в союзы только между собой.

НАЗАРЕТЯНЕ. Это имя присвоено в древнем законе евреям, давшим обет сохранения полной чистоты на всю жизнь или на время; они соблюдали целомудрие, трезвость и не стригли волос. Самсон, Самуил и Иоанн Креститель были назаретянами. Позднее евреи называли этим именем первых христиан, по аналогии с Иисусом Назореем.

Это было также название одной еретической секты первых веков христианства, которая смешивала обычаи Моисея с христианскими догмами так же, как эбиниты, от которых она приняла некоторые положения. Эта секта исчезла в четвертом веке.

МЫТАРИ. Так назывались в древнем Риме всадники-арендаторы общественных податей, обязанные взыскивать налоги и различные доходы в самом Риме и других частях империи. Они были подобны генеральным арендаторам древнего государственного строя Франции и тем, которые существуют еще теперь в некоторых странах. Риск, которому они подвергались, заставлял закрывать глаза на их обогащение, которое часто бывало результатом лихоимства и постыдных доходов. Название мытаря дано было впоследствии всем управлявшим общественными доходами и подчиненным им агентам. Теперь это название применяется в отрицательном смысле к финансистам и недобросовестным деятелям; говорят иногда: «Жаден, как мытарь; богат, как мытарь».

Со времени римского владычества евреи всего труднее мирились с налогами, которые сильно раздражали их; после нескольких восстаний на основе этого недовольства возник религиозный вопрос, так как на налоговое бремя смотрели, как на нечто противное закону. Образовалась даже сильная партия, основным положением которой было отказываться от уплаты податей; во главе этой партии стоял некто Иуда, прозванный Голонитом.

Евреи с ужасом относились к налогам, а следовательно, и ко всем уполномоченным их взимать; отсюда происходило их отвращение и презрение не только к мытарям всех родов, хотя между ними могли быть люди вполне достойные уважения, но даже и к их посетителям. Знатные евреи считали предосудительным для себя входить с ними в какие бы то ни было близкие сношения.

СБОРЩИКИ ДОРОЖНЫХ ПОДАТЕЙ относились к более низкому сословию; они были уполномочены собирать дорожные подати при въезде в город. Их обязанность соответствовала отчасти обязанности таможенных досмотрщиков и акцизных сборщиков; к ним вообще относились так же, как и к мытарям. Вот почему в Евангелии название мытаря связано с *людьми неправедной жизни*; это название не означало развратника и человека без совести, это было выражение презрения к людям дурного общества, недостойным того, чтобы их посещали люди порядочные.

ФАРИСЕИ. Традиция образовала важную часть еврейской теологии, состоявшей из собрания последовательных толкований Святого Писания, ставших положениями догмы. Она служила предметом бесконечных споров между учеными.

Между сектами самой влиятельной была секта *фарисеев*, во главе которой стоял Хиллель, еврейский ученый, уроженец Вавилона, основатель знаменитой школы, проповедовавшей, что только Святому Писанию мы обязаны верой. Секта эта основалась в 180 или 200 г. до Р. Х. Фарисеи были преследуемы в разные эпохи, особенно при Хиркане, первосвященнике и царе еврейском, при Аристокле и Александре, царе Сирийском; этот последний восстановил их в правах и возвратил имущество, и они опять захватили власть в свои руки, которую и сохраняли до *разрушения Иерусалима*, т. е. до 70 г. христианской эры, когда их имя исчезло вследствие рассеяния евреев.

Фарисеи принимали деятельное участие в религиозных переворотах. Рабские последователи внешней обрядности, полные ревностной жажды прозелитизма, враги новшеств, они предъявляли большую строгость к форме; но под видом набожной боязливости скрывали развратные нравы, большую гордость, а в особенности любовь к владычеству. Религия была для них скорее средством, чем предметом искренней веры. У них была только показная, тщеславная добродетель, но тем не менее они пользовались большим влиянием на народ, в глазах которого были святыми. Вот почему они были очень могущественны в Иерусалиме. Фарисеи верили или делали вид, что верят в Провидение, в бессмертие души, в неизбежность наказания и в воскресение мертвых. Иисус, ценивший более всего простоту и чистоту сердца, предпочитавший *в законе дух оживляющий букве мертвящей*, старался в течение всей своей миссии разоблачать их притворство, а потому сделался для них заклятым врагом; вот почему они соединились со священнослужителями, чтобы восстановить против Него народ и погубить Его.

КНИЖНИКИ. Это название дано было секретарям царей иудейских и некоторым чиновникам армии; позднее этим именем назывались ученые, преподававшие закон Моисея и объяснявшие его народу. Они были заодно с фарисеями, принципы которых и антипатию к новаторам разделяли. Вот почему Иисус их также осуждал.

СИНАГОГА. В Иудее был только один храм, а именно – храм Соломона в Иерусалиме, где праздновались или совершались обряды культа. Евреи ежегодно отправлялись туда на время главных праздников. Вот почему и Иисус совершил туда несколько путешествий. Другие города не имели храмов, а только синагоги – здания, в которых евреи собирались по субботам для общественных молитв под руководством старцев, книжников и законоучителей; здесь происходили чтения выдержек из священных книг, которые при этом объяснялись и комментировались; всякий мог принимать в этом участие, поэтому и Иисус, не будучи священнослужителем, поучал в синагогах по субботам. Со времени разрушения Иерусалима и рассеяния евреев синагоги в городах, населенных евреями, стали храмами.

САДДУКЕИ. Эта еврейская секта сформировалась в 248 г. до Р. Х.; названа она так в честь своего основателя Садока. Саддукеи не верили ни в бессмертие души, ни в воскресение, ни в добрых и злых ангелов. В Бога они верили, но, не ожидая ничего после смерти, служили ему только ради временной Его награды, чем только и ограничивался, по их мнению, Промысел Божий; удовлетворение чувственности в их глазах было главной целью жизни. Что касается Писания, они придерживались текста древнего закона, не признавая, ни традиций, ни какого бы то ни было толкования; они считали добрые дела и простое чистое исполнение закона выше внешних проявлений культа. Они были, как это видно, материалисты, деисты и чувственники своего времени. Эта секта была малочисленна, но в нее входили важные личности; она стала партией политической и всегда была противоположной фарисеям.

ЕССЕИ – еврейская секта, основанная в 150 г. до Р. Х. во время Махабеев; ее члены, обитавшие в общинах, вроде монастырских, составляли между собою союзы на моральных и религиозных началах. Они отличались мягкими нравами и строгими добродетелями, проповедовали любовь к Богу и к ближнему, бессмертие души и веру в воскресение. Они жили в безбрачии, осуждали военную службу, отдавали свое имущество в общину (коммуну) и занимались земледелием. Противоположные чувственным, отвергавшим бессмертие души, саддукеям и строгим к внешней обрядности фарисеям, у которых добродетель была только показная, ессеи не принимали никакого участия во вражде, разделявшей эти две секты. Их образ жизни приближался к образу жизни первых христиан, и принципы морали, которые они исповедовали, заставили некоторых предполагать, что Иисус принадлежал к этой секте до начала исполнения своей основной миссии. Верно только то, что Он о ней знал, но ничто не доказывает, что Он принадлежал к ней, и все то, что писалось об этом, достаточно спорно.²

ТЕРАПЕВТЫ – еврейские сектанты, современные Иисусу, обосновавшиеся в Александрии, в Египте. Они имели много общего и с ессеями, принципы которых признавали; как и эти последние, они проводили в жизнь все добродетели. Их пища была необыкновенно проста; соблюдавшие безбрачие, преданные созерцанию и одиночеству, они составляли настоящий религиозный орден.

Филон, еврейский философ-платоник из Александрии, первый сообщил о терапевтах; он относит их к числу сект иудейских. Св. Иероним и другие Отцы думают, что терапевты были христианами. Кем бы они ни были: евреями или христианами – очевидно, что так же, как и ессеи, они служат соединительной ступенью между иудаизмом и христианством.

² «Смерть Иисуса», книга, будто бы написанная одним из братьев-евреев, является сочинением апокрифическим, написанным с расчетом угодить известному мнению, и содержит сама в себе доказательства своего новейшего происхождения.

IV. Сократ и Платон – предвестники идеи христианства и спиритизма

Из того, что Иисус должен был знать секту ессеев, не следует заключать, что Он от нее заимствовал свое учение и что если бы Он жил в другой среде, то исповедовал бы другие принципы. Великие идеи никогда не появляются внезапно; те из них, которые имеют в своем основании истину, всегда имеют предшественников, отчасти приготовляющих для них путь; затем, когда приходит время, Бог посылает человека с миссией резюмировать, соединить и дополнить разрозненные части и создать из них одно целое; таким образом, идея при своем появлении находит умы, совершенно подготовленные принять ее. Так было и с идеей христианства, которая была предчувствуема за несколько веков до Иисуса и ессеев и предвестниками которой были Сократ и Платон.

Сократ так же, как и Христос, ничего не написал, или по крайней мере, не оставил ничего написанного; как и Христос, он умер узником, жертвой фанатизма, поплатившись за то, что нападал на современные верования и ставил действительную добродетель выше притворства и соблюдения формы; одним словом, за то, что боролся против религиозных предрассудков. Как Иисус был осужден фарисеями за совращение народа своими поучениями, так и Сократ был осужден фарисеями своего времени за совращение молодежи провозглашением единства Бога, бессмертия души и будущей жизни. Как учение Иисуса, известное нам только по записям Его учеников, так и учение Сократа мы знаем только по рукописям Платона, его ученика. Мы считаем полезным резюмировать здесь основные идеи этих рукописей, чтобы показать соотношение, существующее между принципами Сократа и принципами христианства.

Тем, которые посмотрели бы на эту параллель, как на профанацию и сочли бы, что не может быть подобия между учением язычника и Христа, мы ответим, что учение Сократа не было языческим, потому что оно имело целью победить язычество, что учение Иисуса более полное и чистое, чем учение Сократа, ничего не теряет от сравнения; что величие божественной миссии Христа не может быть умалено; что, наконец, это факт исторический, который не может быть затушеван.

Человек дождался того, что истина сама перед ним открывается: он созрел, чтобы смотреть ей в лицо, и тем хуже для тех, кто не смеет открыть глаз. Пришло время смотреть на вещи широко и с высоты, а не с точки зрения узости и мелочности сект и каст.

Ниже помещаемые выписки докажут, что Сократ и Платон предчувствовали идею христианства и что в их учении находятся основные принципы спиритизма.

Резюме учения Сократа и Платона

1. «Человек – воплощенная душа. Перед своим воплощением она существовала, соединенная с первообразами, с идеями правды, добра и красоты; она разлучается со всем этим, воплощаясь в человеке, и, *вспоминая свое прошлое*, более или менее мучится желанием вернуться обратно».

Нельзя яснее выразить отличия и независимость принципов интеллектуального и материального; это есть, вместе с тем, учение о предсуществовании души, о смутной интуиции, сохраняемой ею о другом мире, к которому она стремится, о переживании ею тела и о возвращении после смерти в тот же самый мир; это, наконец, зародыш учения о падших ангелах.

II. «Душа обеспокоена и смущена, когда она пользуется услугами тела, чтобы судить о каком-нибудь предмете; у нее делается головокружение, как будто она опьянена, так как она привязывается к вещам, подверженным по своей природе изменениям; тогда как если она созерцает свою собственную сущность, то стремится к тому, что чисто, вечно и бессмертно, и, будучи той же природы, остается погруженной в это возможно дольше; в это время ее блуждания кончаются, потому что она соединена с тем, что неизменно; это состояние души есть именно то, что называется *мудростью*».

Итак, человек, смотрящий на вещи с точки зрения материальной, впадает в обман; чтобы оценить их по справедливости, надо смотреть с высоты, т. е. с духовной точки зрения. Истинный мудрец должен, следовательно, как бы отделить душу от тела, чтобы видеть очами разума. Этому именно учит спиритизм (гл. 2, п. 5).

III. «Пока мы будем иметь наше тело и наша душа будет погружена в этот тлен, никогда мы не завладеем предметом наших желаний – истиной. Действительно, тело доставляет нам тысячи препятствий в силу необходимости заботиться о нем; больше того, оно настолько наполняет нас желаниями, аппетитами, страхами, тысячами химер и тысячами глупостей, что с ним невозможно быть мудрым хоть на минуту. Но если мы не можем ничего узнать во всей чистоте, пока душа соединена с телом, то надо выбирать одно из двух: не знать никогда истины или узнать ее после смерти. Освобожденные от телесного безумия, мы, как надо надеяться, вступим в сношения с людьми, равно свободными, и познаем сами сущность вещей. Вот почему истинные философы приучаются умирать, и смерть им вовсе не страшна». (Небо и Ад. I часть, гл. 2; II часть, гл. 1.)

Вот где мы встречаем принцип свойств души, затемненной переходом в телесные органы, и освобождение этих свойств после смерти.

Но это касается только душ избранных, уже очищенных; не то происходит с душами нечистыми.

IV. «Душа нечистая отягчена, и ее влечет опять к чувственному миру, вследствие отвращения от всего духовного и невидимого; она тогда блуждает, говорят, вокруг памятников и могил, возле которых видели иногда мрачные привидения, такие, какими должны быть изображения душ, покинувших тело без полного очищения и потому сохранивших нечто от материальных форм, отчего глаз наш может их видеть. Это души не добрые, а злые, принужденные блуждать в тех местах, где они несут наказание за свою дурную прежнюю жизнь и где они продолжают блуждать пока их желания, присущие материальным формам, не возвратят их опять в тело, и тогда, вероятно, они примут те же нравы, какие во время прежней жизни были предметом их предпочтения».

Тут ясно выражен не только принцип перевоплощения; но и состояние душ, находящихся под влиянием материи, охарактеризовано так же, как и в спиритизме, при посредстве духов. Больше того: сказано, что перевоплощение в материальное тело есть следствие нечистоты души, тогда как души очищенные от этого освобождены. Спиритизм не говорит ничего

иною; он только добавляет, что душа, имевшая хорошие стремления в земной жизни и приобретшая знания, приносит с собой при новом рождении менее недостатков, больше добродетелей и больше интуитивных идей, чем она имела во время предшествовавшего существования. Таким образом, каждое существование доказывает прогресс интеллектуальный и моральный.

V. «После нашей смерти, гений (демон), бывший при нас во время нашей жизни, ведет нас туда, где собираются все те, которые должны быть отправлены в Гадес, чтобы быть там судимыми. Души, пробывшие в Гадесе необходимое время, возвращаются к этой жизни через *многочисленные и долгие периоды*».

Это – учение об ангелах-хранителях или духах-покровителях и о последовательных перевоплощениях после более или менее длинных промежутков между земными существованиями.

VI. «Демоны наполняют пространство, отделяющее небо от земли; они служат связью, соединяющей Все Великое с Ним же самим. Божество никогда прямо не вступает в сношение с человеком; боги сносятся только при посредстве демонов и беседуют с людьми в бодрственном и сонном состоянии».

Слово «δαίμων», из которого сделали *демон*, не имело такого дурного значения в древности, как имеет теперь; оно вовсе не означало существа, исключительно дурно поступающего, но относилось ко всем духам вообще, между которыми отличали духов возвышенных, называемых *богами*, и духов низших, или собственно демонов, сообщавшихся непосредственно с людьми. Спиритизм говорит также, что духи наполняют пространство; что Бог общается с людьми не иначе, как при посредстве чистых духов, которым поручает передавать Его волю; что духи общаются с людьми в бодрственном и сонном состоянии. Замените слово *демон* словом дух, и вы получите спиритическую доктрину; поставьте слово *ангел*, и будет доктрина христианская.

VII. «Постоянной заботой философа (как это понимали Сократ и Платон) служит попечение о душе менее для этой жизни, которая есть одно мгновение, чем для вечности. Если душа бессмертна, не благоразумнее ли жить, имея в виду вечность?»

Христианство и спиритизм учат тому же самому.

VIII. «Если душа нематериальна, она должна после этой жизни вернуться в мир столь же невидимый и нематериальный, как она сама; точно так же, как тело, разлагаясь, возвращается материи. Но нужно хорошо различать душу чистую, действительно нематериальную, питающуюся, как Бог, науками и познаниями от души, *более или менее* загрязненной материальной нечистотой, мешающей ей подняться к божеству и удерживающей ее в местах ее земного существования».

Сократ и Платон, как видите, отлично понимали различные степени дематериализации души; они настаивают на разнице в положении души, которая происходит от *большей или меньшей* ее чистоты. То, что они говорили по интуиции, спиритизм доказывает многочисленными примерами, которые он представляет нашему взору.

IX. «Если бы смерть была разрушением всего человека, это было бы для злых большим выигрышем – быть одновременно освобожденными от своего тела, души и пороков. Тот, кто обогатил свою душу не чуждыми ей украшениями, а теми, которые свойственны ее природе, тот только сможет спокойно ждать часа отправления в другой мир».

Другими словами, это значит, во-первых, что материализм, провозглашая уничтожение после смерти, служил бы умалению всякой нравственной ответственности в будущем, а следовательно, поощрял бы зло, что злой все выигрывает от небытия; а во-вторых, что человек, освободившийся от пороков и обогатившийся добродетелями, один только может спокойно ожидать пробуждения в другой жизни. Спиритизм нам показывает на примерах, которые он представляет ежедневно, как тяжелы для злого переход от одной жизни в другую и вступление в жизнь будущую. (Небо и Ад, II часть, гл. 1.)

X. «Тело сохраняет очень заметные следы применявшихся к нему забот или случившихся с ним происшествий. То же можно сказать относительно души; по освобождении от тела, она сохраняет заметные следы своего характера, привязанностей и всех поступков своей жизни. Таким образом, самое большое несчастье для человека – перейти в другой мир с душой, отягченной преступлениями. Ты видишь, Каллий, что ни ты, ни Продик, ни Георгий не смогли бы доказать, что не надо вести такой жизни, которая была бы нам полезна, когда мы будем там. Из всех мнений одно остается несокрушимым: *лучше перенести несправедливость, чем сделать ее*, и прежде всего надо стараться не казаться добродетельным человеком, но быть им». (Беседы Сократа с учениками в тюрьме.)

Здесь мы находим капитальный пункт, подтвержденный теперь опытом, что душа неочищенная сохраняет идеи, стремления, характер и страсти, которыми она обладала при жизни. Правило же *«перенести несправедливость, чем сделать»* разве не вполне христианское? Та же мысль выражена Христом в следующей форме: «Если кто-нибудь ударит тебя по одной щеке, подставь ему другую».

XI. «Одно из двух: или смерть есть уничтожение абсолютное, или это переход души в другое место. Если все должно уничтожиться, смерть будет подобна одной из редких ночей, проводимых нами без сновидений и без осознания самих себя. Но если смерть есть только перемена существования, переход в место, где мертвые должны соединиться, какое счастье встретит там тех, которых мы знали! Моим самым большим удовольствием было бы изучать вблизи обитателей этого места и, как и тут, отличать между ними действительно мудрых от тех, которые только считают себя ими. Но время нам расстаться: мне – чтоб умереть, а вам – чтобы жить». (Сократ своим судьям.)

По Сократу, люди, жившие на земле, встречаются после смерти и узнают друг друга. Спиритизм показывает нам их продолжающимися отношения, в которых они были, так что смерть является не перерывом, не прекращением жизни, а переходом в другое состояние без разрыва связи отношений.

Если бы Сократ и Платон знали наставления, данные Христом 500 лет спустя и даваемые теперь духами, они говорили бы не иначе. Тут нечему удивляться, приняв во внимание, что великие истины вечны; что высокие духи должны были их знать прежде, чем явились на землю, куда они их принесли; что Сократ, Платон и другие великие философы того времени могли быть впоследствии в числе последователей Христа, в Его божественной миссии, и быть избраны Им, как более способные понять Его божественные поучения; что, наконец, они теперь могут быть в числе духов, которым поручено учить людей тем же истинам.

XII. *Никогда не следует воздавать несправедливостью за несправедливость и причинять зло кому бы то ни было, как бы не прав он ни был относительно нас.* Немногие, однако, примут это правило, и люди, разделяемые местью, должны только презирать друг друга».

Разве это не то же правило, которое учит нас не воздавать злом за зло и прощать врагам?

XIII. *«По плодам узнают дерево.* Надо судить о каждом поступке по его последствиям: называть его хорошим, если от него происходит добро, и дурным, если он рождает зло».

Это правило: «По плодам узнается дерево» – дословно повторяется несколько раз в Евангелии.

XIV. «Богатство – большая опасность. Всякий человек, любящий богатство, в действительности не любит ни его, ни того, что составляет богатство, но нечто, что человеку еще более чуждо, чем то, что составляет богатство».

XV. «Самые прекрасные молитвы и самые прекрасные жертвы менее угодны Божеству, чем добродетельная душа, стремящаяся Ему уподобиться. Было бы очень тяжело, если бы боги оказывали более внимания нашим жертвам, чем нашей душе; таким способом наиболее виновные могли бы умиловить их. Но нет, действительно справедливы и мудры только те, которые своими словами и поступками отдают то, что они должны богам и людям».

XVI. «Я называю порочным человеком того пошлого любовника, который любит тело больше души. Любовь – всюду в природе, приглашающей нас упражнять наши способности; ее находят даже в движении звезд. Любовь украшает природу богатыми коврами; она разукрашивает себя и избирает себе жилищем те места, где находит цветы и аромат. Все та же любовь дает мир людям, спокойствие морям, тишину ветрам и силы страданию».

Любовь, долженствующая соединять людей братскими узами, имеет большее значение в теории Платона, чем всеобщая любовь как закон природы. Сократ же сказал, что «любовь – не Бог, не смертный, но великий демон», т. е. великий дух, управляющий всеобщей любовью. Эти слова, главным образом, послужили к его осуждению.

XVII. «Добродетели нельзя научиться; она является даром Бога для тех, кто ею обладает».

Это почти что христианская доктрина благодати; но если добродетель – дар Бога, то она является преимуществом, и можно спросить, почему оно не дано всем; с другой стороны, если это дар, то какую же заслугу имеет обладающий им? Спиритизм объясняет яснее; он говорит, что обладающий добродетелью приобрел ее своими усилиями во время последовательных существований, освобождаясь понемногу от недостатков. Благодать есть сила, которой Бог одаряет каждого человека, имеющего добрую волю освободиться от зла и делать добро.

XVIII. «Каждый из нас имеет естественную склонность меньше замечать свои недостатки, чем недостатки других».

Евангелие говорит: «Ты видишь сучок в глазе брата твоего, а не видишь бревна в своем».

XIX. «Если доктора, в большинстве случаев, не излечивают болезней, то это потому, *что они лечат тело, но не душу*; если же все целое не в хорошем состоянии, то невозможно, чтоб часть была здорова».

Спиритизм дает ключ к пониманию связи, соединяющей душу с телом, и доказывает, что одно непрерывно реагирует на другое. Таким образом, он открывает новый путь науке, указывая ей на истинную причину некоторых болезней, он дает ей средство их победить. Когда наука объяснит действие спиритического элемента в организме, она реже будет терпеть неудачи.

XX. «Все люди, начиная с детства, делают больше зла, чем добра».

Эти слова Сократа касаются важного вопроса о преобладании зла на земле, вопроса, неразрешимого без понимания множественности миров и назначения Земли, где живет только маленькая часть человечества. Только спиритизм дает решение, которое и содержится ниже в главах 2, 3 и 5.

XXI. «Мудрость заключается в том, чтобы не думать, что знаешь то, чего не знаешь».

Это относится к людям, критикующим то, о чем они не имеют понятия. Платон дополнил эту мысль Сократа, говоря: «Постараемся, если возможно, сперва сделать их более честными в словах; если этого нельзя сделать, *не будем заботиться о них* и будем искать только истины. Постараемся просвещаться, *но не будем поносить друг друга*». Так должны поступать спириты относительно своих добросовестных и недобросовестных противников. Если бы Платон воскрес, то нашел бы теперь положение вещей таким же, каким оно было в его время, и мог бы сказать то же самое. Сократ так же встретил бы людей, насмехающихся над его верой в духов и считающих его сумасшедшим, как и его ученик Платон.

За исповедование этих принципов Сократа сначала осмеивали, затем обвинили в безбожии и присудили выпить цикуту. Таким образом, новые великие истины, возбуждая против себя попираемые ими интересы и предрассудки, не могут водвориться без борьбы и без жертв.

Глава 1. Я пришел не нарушать закон

1. Не думайте, что Я пришел нарушить закон и пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все. (Матф., 5:17,18)

Моисей

2. В законе Моисея есть две отдельные части: закон Божеский, данный на Синайской горе, и закон гражданский, или карательный, установленный Моисеем; один из них неизменен; другой, приспособленный к нравам и характеру народа, изменяется с течением времени.

Закон Божеский сформулирован в следующих десяти заповедях:

- 1) Я Господь, Бог твой, да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
- 2) Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им.
- 3) Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно.
- 4) Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему.
- 5) Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле.
- 6) Не убивай.
- 7) Не прелюбодействуй.
- 8) Не кради.
- 9) Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
- 10) Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего.

Это закон всех времен и всех стран, что и доказывает его божественный характер. Все остальные законы установлены Моисеем, который должен был удерживать страхом беспокойный и недисциплинированный от природы народ, в коем нужно было победить укоренившиеся заблуждения и предрассудки, почерпнутые в плену египетском. Чтобы наделить авторитетом свои законы, Моисей должен был придать им божественное происхождение, как это делали все законодатели первобытных народов. Авторитет человека должен был опираться на авторитет Бога; но только идея о Боге грозном могла производить впечатление на людей невежественных, у которых нравственное понятие и чувство высшей справедливости были еще малоразвиты. Очевидно, что Тот, Кто говорит в своих заповедях: «Не убивай; не делай зла твоему ближнему», не мог противоречить себе, обязывая к истреблению. Значит, закон Моисея по сути имел характер преходящий.

Христос

3. Иисус пришел не нарушить закон Божий; Он пришел исполнить его, т. е. его развить, придать ему настоящий смысл и приспособить его к уровню развития людей. Вот почему в этом законе находятся принципы обязанностей относительно Бога и ближнего, что и составляет основание учения Христа. Что же касается собственно законов Моисея, то они, напротив, были Иисусом глубоко видоизменены либо по существу, либо по форме.

Он постоянно боролся с обманом внешней жизни и ложными толкованиями и ничем так сильно не мог подвергнуть их коренному изменению, как осудив словами: «Люби Бога больше всего и ближнего своего, как самого себя; *в этом весь закон и пророки*».

Выражением: «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота не прейдет из закона, пока не исполнится все», Иисус хотел сказать, что нужно, чтобы закон Бога был исполняем, т. е. применялся на всей земле во всей своей чистоте, полноте и значении, так как к чему бы послужило установление закона, если бы он должен был составить привилегию нескольких человек или даже отдельного народа? Все люди – дети Бога и без различия служат предметом Его заботы.

4. Но роль Иисуса не была только ролью законодателя-моралиста, авторитет которого опирался бы на одни Его слова; Он пришел исполнить пророчества, предсказавшие Его пришествие; Его авторитет происходил от исключительной природы Его духа и от божественной миссии. Он пришел научить людей тому, что истинная жизнь не на земле, но в царствии небесном; пришел объяснить им, каким путем туда войти, какими средствами заслужить прощение Бога; пришел развить в них предчувствие будущих судеб человечества.

Между тем, Он сказал не все и относительно многого ограничивался тем, что сообщал источники истины, которая как Он сам признавал, не могла еще быть понята; Он говорил обо всем, но не всегда одинаково ясно. Чтобы схватить скрытый смысл некоторых выражений, нужно было, чтоб новые идеи и познания дали к этому ключ; но идеи эти могли явиться не ранее определенной умственной зрелости человека. Развитию и распространению их должна была способствовать наука; надо было, значит, дать время науке развиваться.

Спиритизм

5. Спиритизм – наука новая, открывающая людям при помощи неопровержимых доказательств существование и природу духовного мира и его отношение к миру телесному; спиритизм показывает нам этот мир не как нечто сверхъестественное, но, напротив, как живую силу, беспрестанно действующую, как источник множества феноменов, непонятных до сих пор, а потому относимых к области фантазии и чудес. Это то, на что Христос делает намеки во многих случаях; это – причина, по которой многое, что Он говорил, осталось непонятным или было ложно истолковано. Спиритизм – это ключ, при помощи которого все легко объясняется.

6. Закон Старого Завета олицетворяется Моисеем, а закон Нового Завета – Христом. Спиритизм – третье откровение закона Божьего, но он не олицетворяется ни одним индивидуумом, так как он – продукт поучений, данных не одним человеком, но духами, которые являются голосами неба, говорящими во всех местах земли и при помощи бесчисленного множества посредников; это своего рода существо коллективное, под именем которого подразумевается совокупность существ мира духовного, из коих каждое приносит людям дань своих знаний, чтобы дать им понятие о мире загробном и ожидающей их судьбе.

7. Как Христос сказал: «Я пришел не нарушить закон, а исполнить его», так и спиритизм говорит: «Я не пришел нарушить закон Христа, но исполнить его». Он не учит ничему, противному учению Христа, но он развивает, дополняет и истолковывает в ясных выражениях для всего света то, что говорилось только в аллегорической форме; он приходит исполнить в предназначенное время то, что Христос объявил, и подготовить человека к будущему. Спиритизм, следовательно, есть создание Христа, присутствующего, по Его словам, при происходящем перерождении; он prepares царство Бога на земле.

Связь между наукой и религией

8. Наука и религия – два рычага ума человеческого; первая открывает законы мира материального, а вторая законы мира морального; *но те и другие, имея один и тот же принцип – Бога*, не могут находиться в противоречии; если они отрицают друг друга, то, безусловно, один из них ошибочен, так как Бог не может желать уничтожить свое собственное творение. Противоречие, которое находили между этими двумя родами идей, происходит от недостатка наблюдательности и от крайней односторонности тех и других; отсюда конфликт, приводящий к нетерпимости и недоверчивости.

Наступило время, когда поучения Христа должны получить свое применение; когда завеса, нарочно наброшенная на некоторые части поучений; должна быть приподнята; когда наука перестает быть исключительно материалистической и должна считаться с духовным элементом; когда религия перестает отвергать органические и непреложные законы природы; когда, следовательно, научная и религиозная силы, опираясь одна на другую и идя в согласии, окажут одна другой взаимную поддержку. Тогда религия, не встречая более опровержения со стороны науки, приобретает несокрушимое могущество, потому что она будет в согласии с разумом и ей нельзя будет противопоставить неотразимую логику фактов.

Наука и религия не могли понять друг друга до сих пор (потому что каждая смотрела на вещи со своей исключительной точки зрения) и взаимно друг друга отталкивали. Нужно было нечто, чтобы наполнить пустоту, разделявшую их; нужна была соединительная черта, которая бы их сблизила; эта черта заключается в знании управляющих духовным миром законов и в понимании их отношения к миру телесному, законов столь же непреложных, как те, которые управляют движением звезд и жизнью существ. Это отношение, раз установленное опытом, пролило новый свет: вера обратилась к разуму, разум не нашел ничего нелогичного в вере, и материализм был побежден. Но здесь, как и во всем, есть люди, остающиеся позади до тех пор, пока они насильно не будут вовлечены в общий поток, в котором они и погибнут, если пожелают сопротивляться вместо того, чтобы следовать его течению. Это целая нравственная революция, которая теперь совершается и занимает умы; после восемнадцативекового приготовления она приближается к своему выполнению и должна обозначить новую эру для человечества. Последствия указанной революции легко предвидеть: она принесет в социальные отношения неизбежные изменения, которым никто не в силах будет противостоять, так как они входят в предначертания Бога и проистекают из закона прогресса, который и есть закон Бога.

Наставления духов: Новая эра

9. Бог един, а Моисей – дух, посланный Богом для миссии, о которой должны были узнать не только народ еврейский, но и народы языческие. Еврейский народ был орудием, который Бог избрал для своих откровений при посредстве Моисея и пророков; превратности этого народа должны были поразить всех и заставить упасть завесу, скрывавшую от людей Божество.

Заповеди Божии, данные через Моисея, содержат в себе начало христианской морали, смысл которой комментаторы Библии сужали, так как во всей своей чистоте она не была бы тогда еще понята; но десять заповедей Божиих остались, как маяк, который должен светить человечеству на предстоящем ему пути.

Мораль, преподанная Моисеем, была приспособлена к степени развития народов, которые она должна была преобразовать; но эти народы, полудикие в смысле совершенства их души, не могли бы понять, что можно поклоняться Богу иначе, как при посредстве жертв, и что нужно прощать врагов. Их ум, замечательный с точки зрения практической и даже наук и искусств, был очень отсталым в морали и не мог бы быть покорен силой религии чисто духовной; им нужно было представление полуматериальное, такое, какое им давала религия иудейская. Так, жертвы говорили их чувствами, тогда как идея Бога говорила уму.

Христос был инициатором самой чистой и возвышенной морали; морали евангельски-христианской, долженствующей обновить мир, сблизить людей и сделать их братьями; морали, которая должна заставить сердца проникнуться милосердием и любовью к ближнему и создать между людьми общую солидарность; морали, наконец, которая должна преобразить землю и сделать ее местопребыванием духов более высоких, чем те, которые теперь ее населяют. Это закон прогресса, которому подчиняется природа и который приводится в исполнение, спиритизм же есть откровение Бога, пользующегося им для того, чтобы человечество двигалось вперед.

Наступило время, когда идеи морали должны развиваться, чтобы совершился прогресс, служащий предначертаниям Бога; они должны следовать тем же путем, что и идеи, предшествующие осуществлению свободы. Но не надо думать, что развитие идей произойдет без борьбы; нет, они нуждаются для достижения своей зрелости в потрясениях и столкновениях, чтобы привлечь внимание масс; раз внимание будет привлечено, то красота и святость этой морали поразят умы, и они станут приверженцами того учения, которое даст им ключ к будущей жизни и откроет двери вечного счастья.

Моисей открыл этот путь; Иисус продолжил дело; спиритизм его завершит. (Дух израильтянина. Мюльгаузен, 1861 г.)

10. Однажды Бог в своем безграничном милосердии дозволил человеку увидеть истину, пронизавшую мрак; это был день пришествия Христа. После живого света мрак опять водворился; мир после перемен мрака и истины опять заблудился. Тогда, подобно пророкам Ветхого Завета, духи начали говорить и предостерегать вас: «Мир поколеблен в своих основах; гром грянет; будьте сильны!»

Спиритизм – происхождения Божественного, так как он основывается на законах природы, и верьте, что все Божественное имеет великую и полезную цель. Ваш мир заблуждался; науки, развившиеся в ущерб нравственности, направляя вас к материальному благополучию, служили на пользу духа тьмы. Вы знаете, христиане, что сердце и любовь должны идти рука об руку с наукой. Увы! Царство Христа, после восемнадцати веков, несмотря на кровь стольких мучеников, еще не пришло! Христиане, вернитесь к Учителю, который хочет вас спасти. Все легко тому, кто верит и любит: любовь наполняет его безграничной радостью. Да, дети, мои, мир в заблуждении; добрые духи достаточно много говорят вам об этом; склонитесь

перед дуновением, предвестником бури, чтобы не быть опрокинутыми, т. е. приготовьтесь, и не будьте подобны девам, которые были застигнуты врасплох приходом жениха.

Приготавливающаяся революция скорее моральная, чем материальная; великие духи, Божии посланники, внушают веру для того, чтобы вы все, просвещенные и ревностные работники, заставили услышать ваш скромный голос; вы песчинки, но без песчинок не было бы гор. Итак, пусть выражение «мы малы» не служит больше оправданием для вас. Каждому своя миссия, каждому своя работа. Разве муравей не строит здания своей республики, а незаметные мельчайшие животные не воздвигают целых материков? Новый крестовый поход начат; апостолы всеобщего умиротворения, но не войны, современные святые Бернарды, подумайте и идите вперед: закон миров – закон прогресса. (Фенелон. Пуатье, 1861 г.)

11. Св. Августин – один из величайших популяризаторов спиритизма; он является почти повсюду; причину; этому мы находим в жизни этого великого христианского философа. Он относится к числу тех могущественных Отцов церкви, которым христианство обязано своими самыми прочными основами. Как и многие, св. Августин был исторгнут светом истины из язычества, скажем больше, из самого глубокого безбожия. Когда среди распутства он почувствовал в своей душе необыкновенное движение, напомнившее ему о нем самом, он понял, что счастье не в этих опьяняющих и скоропреходящих удовольствиях; когда, наконец, на своем дамасском пути он тоже услышал в себе священный возглас: «Савл, Савл, за что преследуешь меня?», он воскликнул: «Мой Бог, мой Бог, прости меня, я верю, я христианин!» И с тех пор он стал самой твердой опорой евангельского учения. В замечательных признаниях, оставленных нам этим высоким духом, можно найти характерные и пророческие по тому времени слова, произнесенные им после потери св. Моники: *«Я уверен, что моя мать придет меня посетить и дать мне советы, открывая то, что ждет нас в будущей жизни»*. Какое поучение в этих словах и какое ясное предвидение будущего учения! Вот почему теперь, видя, что пришло время популяризации истины, которую он предчувствовал когда-то, он сделался ревностным распространителем ее и появляется повсюду, чтобы отвечать всем вопрошающим его. (Эраст, ученик св. Павла, Париж, 1863 г.)

Примечание. Является ли св. Августин отвергать то, что воздвиг? Конечно, нет; но так же, как и многие другие, он видит глазами духа то, чего не видел как человек; его освобожденная душа видит новый свет; она понимает то, чего не понимала раньше; новые идеи ей открыли истинный смысл некоторых слов; на земле он судил о вещах сообразно с теми познаниями, которыми обладал; но когда воссиял для него новый свет, он стал судить о них более здраво; таким образом, он должен был разобраться в своем веровании относительно злых духов, инкубов и суккубов, и в проклятии, которому он предал теорию об антиподах. Теперь, когда христианство представилось ему во всей своей чистоте, он может в некоторых случаях судить иначе, чем при жизни, не переставая быть апостолом христианства; он может, не отрекаясь от своей веры, сделаться распространителем спиритизма, потому что в нем он видит осуществление предсказанного. Провозглашая спиритизм теперь, он восстанавливает более здоровое и логическое толкование текстов Евангелия. То же самое происходит с другими духами, находящимися в аналогичном положении.

Глава 2. Царство мое не от мира сего

1. Пилат опять вошел в преторию и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь иудейский? – Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; ныне *Царство Мое не отсюда*. Пилат сказал Ему: Итак, Ты Царь? Иисус отвечал: Ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины слушает гласа Моего. (Иоанн, 18:33,36,37)

Будущая жизнь

2. Этими словами Иисус ясно изображает будущую жизнь, которую Он представляет при всех обстоятельствах как существование за пределами земного бытия и как предмет, который должен быть главной заботой человека на земле; все Его правила относятся к этому великому принципу. Действительно, без будущей жизни большинство Его наставлений о морали не имело бы никаких объяснений своего существования; потому-то неверящие в будущую жизнь, полагая, что Иисус говорит только о жизни настоящей, не понимают этих наставлений или считают их бессодержательными.

Следовательно, догмат о будущей жизни можно считать сутью поучений Христа: вот почему он помещен в этом труде одним из первых, как догмат, которым должны руководствоваться все люди; он один может объяснить жизненные аномалии и согласоваться с Божественным правосудием.

3. Евреи имели очень неопределенные идеи относительно будущей жизни: они верили в ангелов, на которых они смотрели, как на существ привилегированных; но они не знали, что люди могут со временем стать ангелами и разделить их блаженство. По их понятиям, исполнение законов Бога вознаграждалось земным благополучием, первенством их нации и победами над врагами; народные же бедствия и поражения служили наказаниями за их непослушание. Моисей не мог сказать; больше невежественному пастушескому народу, на который можно было подействовать прежде всего земными средствами. Позднее Иисус пришел им открыть, что есть другой мир, где Божественное правосудие следует своему течению; этот мир, в котором добрые найдут свою награду, Он обещал исполняющим заповеди Бога; этот мир и есть Его Царство: там Он во всей своей славе и туда Он вернется, покинув землю.

Иисус, приравливая свои поучения к положению людей Его эпохи, не считал нужным дать им полный свет, который бы их ослепил, не просветив, так как они Его не поняли бы; Он ограничился представлением будущей жизни в виде принципа, как закона природы, которого никто не может избежать. Все христиане твердо верят в будущую жизнь, но у многих эта идея смутна, неполна и поэтому ложна в некоторых отношениях; для очень многих это не что иное, как верование без абсолютной уверенности – отсюда сомнения и даже неверие. Когда люди созрели, чтобы понять истину, спиритизм явился дополнить в этом отношении, как и во многих других, поучение Христа. При спиритизме будущая жизнь уже не простой догмат веры или гипотеза; это материальная реальность, доказанная фактами, потому что являются свидетели-очевидцы, так описывающие ее во всех фазах и перипетиях, что не только сомнение невозможно, но даже при самом обыкновенном развитии легко ее себе представить в настоящем виде, как представляют страну, читая подробное ее описание; это описание будущего существования так обстоятельно, условия жизни счастливой и несчастной для находящихся там так рациональны, что невольно говоришь себе: не может быть иначе, в этом именно заключается истинное правосудие Бога.

Царство Христа

4. Царство Христа не от мира сего; это каждый понимает, но разве на земле Он не имеет тоже царства? Титул царя не всегда присваивается власти временной; он дается по единодушному согласию тому, гений которого в области каких-нибудь идей ставит его в первый ряд; тому, кто идет впереди своего века и влияет на прогресс человечества. В этом смысле говорят: царь или король философов, артистов, поэтов, писателей и т. п. Царство это, происходящее от личной заслуги, сохраняемое потомством, не имеет ли преимущества в ином роде великого, нежели то, которое носит диадему? Оно несокруσιμο, тогда как то другое подвержено игре случайностей; оно всегда благословляемо последующими поколениями, тогда как другое часто бывает проклинаемо. Царствование земное заканчивается с жизнью, а царствование нравственное продолжает еще господствовать и после смерти. В этом смысле не есть ли Христос царь более могущественный, чем многие властелины? Ведь Он имел основание говорить. Пилату: «Я царь, но царство Мое не от мира сего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.